

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ВВЕДЕНИЕ	15
ГЛАВА 1. О КУЛЬТУРЕ	21
Состояния социального равновесия	22
ПРИРОДА И ВОСПИТАНИЕ	25
РАЗЛИЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ	28
ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОММУНАЛИЗМ	29
ЭМОЦИИ: СТЫД И ВИНА	30
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ	31
КОСМОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ЭКОНОМИКА	34
ГЛАВА 2. ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ (I): ЕГИПЕТ, МЕСОПОТАМИЯ, ИУДЕЯ	37
СМИТОВСКИЙ И ПРОМЕТЕЕВСКИЙ ТИПЫ РАЗВИТИЯ	37
ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КОЧЕВНИКИ	39
Древний Ближний Восток	42
ГЛАВА 3. ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ (II): ИНДИЯ И КИТАЙ	45
ИНДИЯ	45
<i>Индийская социальная система</i>	46
<i>Экономическая стагнация и процесс Босерун</i>	53
<i>Космологические представления</i>	54
КИТАЙ	58
<i>Материальная основа</i>	58
<i>Проблема Нидхэма</i>	61
<i>Космологические представления</i>	64
<i>Конфуцианство и рынок</i>	67
ГЛАВА 4. ИСЛАМ	69
ВОЗВЫШЕНИЕ АРАБОВ	69
МУСУЛЬМАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ОТСТУПЛЕНИЕ	72
МАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ	73
КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	76
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО	80
ПРАВО, ОБЩЕСТВО, ЭКОНОМИКА	82
ЗАКАТ ИСЛАМСКОЙ МЫСЛИ	84
ИСЛАМ И ЭКОНОМИКА	86

ГЛАВА 5. ВОЗВЫШЕНИЕ ЗАПАДА	89
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	90
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ.	92
<i>Наследие древних греков</i>	94
ВОЗВЫШЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЫ И ИНДИВИДУАЛИЗМ	96
<i>Идеалистическое описание</i>	97
<i>Материалистическое описание</i>	100
НУКЛЕАРНАЯ СЕМЬЯ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЗАПАДА	108
ЛЮБОВЬ, СЕКС, ГРЕХ И ВИНА.	111
ГРЕЧЕСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РОССИЯ	117
ГЛАВА 6. РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛИЗМА	121
РАЗВИТИЕ «ГРАДА БОЖЬЕГО» ПО СВ. АВГУСТИНУ	125
<i>«Philosophes» и те, кто пришел после</i>	125
ПОДЪЕМ, УПАДОК И ПОДЪЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА	134
<i>Рассказ Оукшотта</i>	134
<i>«Мораль» рынка</i>	136
<i>Хекшер, строительство нации и меркантилизм</i>	137
<i>Политический национализм и возникновение демоса</i>	138
<i>Подъем и упадок определенности</i>	143
<i>Глобализация и привязывание правительства к мачте</i>	145
ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ	148
ГЛАВА 7. СОВРЕМЕННЫЕ ИНДИЯ И КИТАЙ	151
ДИРИЖИЗМ	151
<i>Историческая культурная стабильность</i>	
<i>и экономическая стагнация</i>	151
<i>Стратегия развития</i>	153
<i>Относительные результаты.</i>	154
РЕФОРМА	155
БУДУЩЕЕ	156
ГЛАВА 8. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	163
«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО» В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	163
<i>Материалистическая основа</i>	163
<i>Космологии</i>	165
ЯПОНИЯ	168
<i>Материалистические данные</i>	168
<i>Космологические представления</i>	172
<i>Японское «чудо»</i>	174
<i>Сближающиеся космологии?</i>	176
ГЛАВА 9. ЗАПАД И ОСТАЛЬНЫЙ МИР	181
МАНЕРЫ, СТЫД И ВИНА.	181

Государство всеобщего благосостояния	187
<i>Частные трансферты</i>	189
<i>Государственные трансферты</i>	191
<i>Политическая экономия перераспределяющих государств</i>	193
<i>Культурные аспекты</i>	195
ГЛАВА 10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
ПРИЛОЖЕНИЕ	209
ПРОЦЕСС БОСЕРУП	209
МОДЕЛЬ хищнического государства	211
<i>Входные барьеры</i>	217
<i>Экономические циклы фискального хищничества</i>	221
ДВОЙНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ПЕРЕМЕНЫ в общественном мнении	221
СООТНОШЕНИЕ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА и аграрная структура	225
ПРИМЕЧАНИЯ.	227
БИБЛИОГРАФИЯ	297
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	323

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Экономическую серию продолжает книга, принадлежащая перу профессора Дипака Лала и посвященная одному из наиболее активно обсуждаемых в современном интеллектуальном сообществе вопросов — о значении культурных предпосылок для экономического роста в разных странах.

Д. Лал задается вопросом, имеющим ключевое значение для понимания экономического роста, а именно: почему феномен роста, основанного на технологическом прогрессе, появился именно в Европе, а не в других цивилизациях, в принципе имевших все материальные предпосылки для него?

Особенности биографии и профессионального опыта автора, несомненно, способствовали тому, что ему удалось выработать весьма широкий и оригинальный взгляд на эту проблему, а также на всю сферу сравнительного анализа экономического развития и экономической политики. Д. Лал родился в 1940 г. в Лахоре, ныне находящемся на территории Пакистана. После разделения прежней колониальной Индии на современную Индию и Пакистан его семья оказалась на территории Индии, лишившись всего недвижимого имущества. В 1965 г. Д. Лал получил докторскую степень по экономике в Оксфордском университете (Англия). В начале 1960-х годов работал советником правительства Индии. С 1966 г. преподает экономику в различных университетах Англии и США. С 1991 г. он занимает должность профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. В 80—90-х годах XX в. работал исследователем и советником в различных международных организациях: Всемирном банке, ОЭСР, ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), ECAFE (Economic Commission for Asia & the Far East — Экономическая комиссия по Азии и Дальнему Востоку). В настоящее время также активно сотрудничает с Институтом Катона (США).

Таким образом, профессор Лал имеет непосредственный опыт проживания в рамках как индийской, так и западной цивилизации, что дает ему возможность выработать объемное видение реальности. Его идейная эволюция в вопросах экономической политики является довольно типичной для представителей современной интеллектуальной элиты стран «третьего мира» — от фабианства (разновидности социализма) на протяжении 60-х и большей части 70-х годов к все более последовательному экономическому либерализму в последующий период. Круг его научных интересов включает вопросы реформирования экономик стран «третьего мира» (в том числе условия, в которых становятся возможными

реформы, и последовательность шагов в рамках реформ), роль культурных факторов в экономическом развитии и др.

Профессор Лал является автором семи монографий и сборников, а также многочисленных статей. Но среди всех его работ наибольшую известность получила книга «Непреднамеренные последствия», которая ныне представляется вниманию русскоязычного читателя. Эта работа представляет собой обработку лекционного курса памяти Бертиля Улина, прочитанного автором в Стокгольмской школе экономики; этим объясняется свойственная ей легкость и живость изложения. Основное ее содержание составляет междисциплинарное и кросс-культурное объяснение экономического возвышения Запада на фоне относительного неуспеха китайской, индийской и исламской цивилизаций. С этой исторической темой связан вопрос, чрезвычайно актуальный как для стран «третьего мира», так и для России: должна ли модернизация неизбежно сопровождаться вестернизацией? И даваемый автором ответ, и тот путь, которым он приходит к этому ответу, представляют большой интерес для русскоязычного читателя, живущего в постсоветских странах, перед которыми стоит тот самый вопрос.

В книге затрагиваются и другие актуальные и интересные темы, такие как возможность «столкновения цивилизаций», судьба западного индивидуализма и причины социального упадка Запада. В целом данная работа относится к активно разрабатываемому ныне направлению в сфере общественных и экономических дисциплин, которое заслуживает быть представленным в русскоязычном культурном пространстве.

На основании всего вышесказанного Редакционный совет принял решение опубликовать книгу Д. Лала «Непреднамеренные последствия». Мы рассчитываем, что она принесет научную пользу и интеллектуальное удовольствие нашим читателям.

*Валентин Завадников,
Председатель редакционного совета
Июль, 2006 г.*

“Only connect”

E. M. Forster, *Howards End*, chap. 22

«Если бы мы могли вернуться в тот период, когда возникло то или иное общество, и посмотреть на его первые исторические памятники, то мы непременно, я в этом не сомневаюсь, отыскали бы первопричины предрассудков, привычек и пристрастий, распространенных в данном обществе, — словом, все то, что составляет национальный характер».

Токвиль «Демократия в Америке»

«Ведь речь идет не о чем попало, а о том, каким образом надо жить»

Платон «Государство»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга содержит несколько расширенную версию лекций памяти [Бертиля] Улина, которые я прочел в Стокгольмской школе экономики осенью 1995 г. Я чрезвычайно благодарен Стефану Линдеру (Staffan Linder) и Матсу Лундалю (Mats Lundahl) за приглашение читать эти престижные лекции и за то, что они и глазом не моргнули, когда я предложил поговорить о культуре и экономическом развитии — предмете, который многим экономистам представляется неопределенным, путаным и бестолковым. Но именно этот предмет и был на слуху в течение последних нескольких лет, и я внимательно следил за полемикой по этому поводу. Лекции представлялись хорошей возможностью упрямодочить свои мысли и прочесть необходимые источники. Я совершенно не осознавал, что должен буду принять в расчет не только то, сообщали об этом предмете экономисты (не слишком многое), но и соответствующие материалы по истории, антропологии, социальной психологии, эволюционной биологии, неврологии, макросоциологии, а также по социально-экономической истории религий и культур, образующих Евразию. Такой междисциплинарный, кросс-культурный размах мог бы обескуражить, если бы не помощь множества друзей.

Мне посчастливилось быть первым заведующим кафедрой им. Джеймса Коулмена по исследованиям международного экономического развития в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса (*UCLA*), куда я перешел в 1991 г. Поскольку это междисциплинарная кафедра, я постарался пригласить коллег по самым разным дисциплинам, изучающих развивающиеся страны. Многие из этих коллег — порой неведомо для себя — направили меня на верный путь. Я надеюсь, что эта книга, целиком написанная в *UCLA*, оправдывает междисциплинарные надежды членов коллегии выборщиков, назначающих заведующего кафедрой им. Коулмена. В моем новом академическом доме к тому же имеется одна из лучших научных библиотек мира. Были времена, когда библиотекари Биолого-медицинской библиотеки с недоумением смотрели на экономиста, запрашивающего книги и журналы по биологии и неврологии. Но без изумительных ресурсов этой научной библиотеки книга, вероятно, не была бы написана.

Я также чувствую необходимость признать другой, более давний долг — мой долг Оксфордской школе современных гуманитарных наук *PPE* (этот акроним означает «Philosophy, Politics, Economics» — «философия, политика, экономика», ФПЭ), которая была образцом разностороннего образования в общественных науках, когда в начале 1960-х годов я, после получения диплома

по истории в колледже св. Стефана в Дели, готовился к экзамену по этим предметам. Эта школа пробудила во мне интерес к различным общественным и гуманитарным наукам в целом, которые, к несчастью, все сильнее разобщались вследствие узкой специализации, и более всех то относится к экономической теории. Если этой книге удалось показать, пусть неполно, важность всех этих отраслей знания для понимания мира, то лишь благодаря тому, что я оставался верным увлечению (возникшему в первую очередь благодаря ФПЭ) тем, что ныне считается в корне различными предметами.

Мне чрезвычайно помогали комментарии, советы по дополнительным материалам и общее одобрение первого черновика рукописи со стороны множества друзей, в чем я, будучи занят такой обширной и спорной темой, крайне нуждался для укрепления духа. Я бы хотел поблагодарить Роберта Бойда, Джеймса Бьюкенена, Стэнли Энгермана, Никки Харт, Дэвида Хендерсона, Дхарму Кумара, Тимура Курана, Барбару Лал, Леонарда Лиджио, Джастина Лина, Йена Литтла, Матса Лундаля, Дугласа Норта, Джеффри Наджента, Ричарда Розкранца, Мориса Скотта, Роберта Скидельски, Уоррена Тенаутена и Мартина Вольфа. Кроме того, участники организованного мною в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса коллоквиума по культуре и экономическому развитию в декабре 1996 г. предоставили много пищи для размышлений, в особенности Ричард Баум, Шмуль Эйзенштадт, Рональд Финдлэй, Натан Глейзер, Энвер Грейф, Билл Дженнер и Джеймс Уилсон. Отдельные части книги были также представлены на семинарах в *UCLA*, в Университете Южной Калифорнии, в гонконгском Университете науки и технологии и в Университете Сан-Андреас в Буэнос-Айресе, комментарии участников этих семинаров тоже помогли улучшить эту книгу.

Кроме того, я испытываю не менее горячую благодарность Лоррен Грэмс, которая так эффективно представляла различные наброски без малейших задержек, даже когда мы общались друг с другом, находясь на разных континентах.

При чтении книги следует помнить, что это лекции. Это не трактат. Как и в любом цикле лекций, я стремился синтезировать и суммировать соответствующие материалы — включая мои прошлые труды — в логически связный рассказ. Примечания обеспечивают подробными ссылками на дискуссии, избыточные в различных охваченных мною областях. Ссылки важны для учебного, но утомительны для обычного читателя, чей интерес я хочу снискать. Оба они, я надеюсь, найдут историю, которую я сейчас расскажу, столь же захватывающей, поучительной и удивительной, какой она представилась мне при ее сведении воедино.

ВВЕДЕНИЕ

Огромная честь быть приглашенным для чтения в этом году лекций памяти Улина. Я выбрал тему, которая соединяет два главных увлечения Бертиля Улина — экономику и политику, — и надеюсь показать, каким образом рассматриваемый им основной структурный элемент — относительная обеспеченность факторами производства как основа внешней торговли — может, кроме того, стать мощным подспорьем в размышлениях о теме, которая ныне у всех на слуху: о роли культуры в человеческой жизни. Так, недавно Сэмюэл Хантингтон из Гарвардского университета¹ доказывал, что с окончанием холодной войны противоречия в международных делах в будущем будут определяться культурными водоразделами между великими цивилизациями — западной (с ее различными частями: западнохристианской *versus* восточнохристианской, латиноамериканской *versus* североамериканской), исламской, китайской, индийской и японской — при том что каждая будет соперничать за власть и влияние, стараясь продвигать или защищать традиционные ценности и образ жизни.

В то же время множество влиятельных персон в Восточной Азии (Ли Куан Ю из Сингапура, Махатхир из Малайзии) и многочисленные китайские и японские политики заявляют о превосходстве восточных социальных и политических форм по сравнению с западными. Восток, настаивают они, должен оставаться верным своим унаследованным авторитарным культурным и политическим ценностям, воплощенным в конфуцианстве или неоконфуцианстве, а не уступать западным классическим либеральным ценностям, которые на Западе породили декаданс посреди процветания.

В одной важной статье Хикс и Реддинг² заявили, что экономисты не смогут объяснить успех восточноазиатского региона, не приняв во внимание различные культурные факторы, связанные с его конфуцианским наследием. Чисто экономические факторы не объясняют феномен экономического «чуда», продемонстрированный многими странами этой части мира. Даже практики, занимающиеся разработкой и реализацией программ экономического развития, подчеркивают важность культуры, о чем свидетельствует недавняя книга бывшего ответственного работника Агентства международного развития США (USAID) Лоуренса Харрисона под названием «Кто процветает» (*Who Prospers*) с подзаголовком «Как культурные ценности формируют экономический и политический успех». Журналистов, которые пытаются объяснить подъем Восточной Азии в терминах культуры, легионы — к примеру, недавняя популярная книга Джоэла Коткина под названием «Племена» (*Tribes*), подзаголовок которой

«Как раса, религия и идентичность определяют успех в новой глобальной экономике» говорит сам за себя.

Таким образом, в прямую противоположность знаменитому тезису Макса Вебера о роли протестантизма в подъеме западного капитализма, ныне в качестве источника успеха превозносятся восточные «религии» — конфуцианство, неоконфуцианство, постконфуцианство³. Определенно, «культура» нынче носится в воздухе.

Некую форму внеэкономического, возможно, культурного объяснения также поддержал недавний взрыв исследований в области так называемых новых теорий экономического роста. Среди размышлений об экономическом росте, который является центральным предметом исследований специалистов по экономике развития, заслуживает внимания полезное разграничение между *экстенсивным* и *интенсивным* ростом, введенное Ллойдом Рейнолдсом⁴. Экстенсивный рост был совершенно обычен на протяжении всей человеческой истории, поскольку производство расширялось, чтобы поспеть за неуклонным ростом численности людей. Но эта форма роста не обеспечивала устойчивого повышения душевого дохода. Последнее возможно лишь при интенсивном росте, когда объем производства устойчиво растет быстрее, чем численность населения. В этом (если верить недавним исследованиям, включая мое собственное, выводы которых резюмированы в нашей с Хла Мьинтом книге под названием «Политическая экономика бедности, справедливости и роста») состоит единственный способ справиться с массовой структурной бедностью, которая была уделом человечества в прошлом. Экстенсивный рост всего лишь обеспечивал для большей части человечества уровень жизни чуть выше прожиточного минимума, причем сохранению даже этого уровня периодически угрожали отдельным индивидам и целым обществам четыре всадника Апокалипсиса. Когда и чем был вызван интенсивный рост — центральная проблема теории экономического развития, и в своих лекциях я надеюсь дать некоторые ответы на этот вопрос.

Экономисты в значительной мере согласны друг с другом в том, что непосредственными причинами экономического роста являются эффективность размещения ресурсов, норма инвестирования и темпы технического прогресса. Артур Льюис в своей знаменитой книге «Теория экономического роста» замечает, что «рост душевого выпуска продукции зависит, с одной стороны, от наличия природных ресурсов и, с другой стороны, от человеческого поведения... Заниматься проблемой человеческой деятельности следует на различных уровнях, так как существуют непосредственные причины экономического роста, а также причины этих причин». В книге, написанной мной и Мьинтом, мы пока-

зывается, что в нашей выборке из двадцати одной развивающейся страны, экономическая история которых в период между 1950 и 1985 гг. составила основу исследования, ближайшими причинами экономического роста являются эффективность и уровень инвестиций. Помимо этого, для объяснения эффективности инвестиций критически важное значение имеет политическое устройство. Это согласуется с результатами распространенных в последние годы межстрановых эконометрических штудий, пытающихся объяснить различия в уровнях экономического роста внутри группы стран, для которых Саммерс и Хестон собрали сопоставимые данные за 1950—1988 гг. Так, Сала-и-Мартин, комментируя исследование Левина и Ренельта, сделавших обзор этих эконометрических упражнений, отмечает, что «Левин и Ренельт всегда находят некоторую группу переменных экономической политики, которые имеют значение. Проблема в том, что меры экономической политики в столь высокой степени коррелируют между собой, что данные не всегда характеризуют их по отдельности. Следовательно, главное содержание исследования Левина и Ренельта не в том, что ничто не имеет значения, а в том, что экономическая политика имеет значение. Данные не могут сообщить в точности, какая политика плоха». В нашем с Мьинтом исследовании нам при помощи аналитической экономической истории стран по крайней мере удалось установить, что пакет экономических мероприятий, предлагавшихся классическим либерализмом, был благоприятен для интенсивного роста. Но это приводит к следующему вопросу: почему не все страны взяли на вооружение политику, способствующую экономическому росту?

Этот вопрос переносит нас в царство политической экономии, где мы обнаруживаем, что вовсе не тип политического устройства, а первоначальная обеспеченность ресурсами, и в особенности наличие или отсутствие природных ресурсов, была главной детерминантой политических детерминант тех мер экономической политики, которые накладывали отпечаток на эффективность инвестиций и, таким образом, на темпы экономического роста. Это происходило в основном из-за неизбежной политизации ренты, приносимой природными ресурсами, с сопутствующим уроном для показателей экономического роста. Во многих случаях мы обнаружили, что природные ресурсы оказались «драгоценным ядом», поскольку они приводили к формам политического устройства, имевшим тенденцию убивать курицу, несущую золотые яйца (см. главу 9). Таким образом, экономические результаты бедных ресурсами стран были, как правило, в среднем значительно выше, чем показатели стран с обилием природных ресурсов.

Но мы абстрагировались от культурных влияний, которые могут объяснить причины, по которым, даже в пределах нашего

четкого распределения стран по группам на основе ресурсов, помимо отмеченных различий между этими группами по типу экономической политики и результатам, имеется также значительный разброс внутри групп. Например, несмотря на то что по нашей классификации и Гана, и Таиланд были странами с изобилием земли и не имели заметных различий в хищническом характере политического режима, они приняли на вооружение совершенно различные типы экономической политики с поразительно непохожими последствиями.

В этих лекциях я хочу докопаться до корней проблемы, пойдя в объяснении показателей экономического роста несколько дальше, чтобы выяснить, могут ли культурные факторы воздействовать на экономические результаты, и если да, то каким образом. Но, как я вскоре буду утверждать, поскольку во многих случаях культурным переменным свойственно большое запаздывание, то, чтобы выделить их и понять, меняются ли они, и если да, то как, необходимо часто возвращаться и проследживать их происхождение (*pace*¹ эпиграф из Токвиля). Я обнаружил это в предыдущем набеге на сие коварное поле в своей книге об Индии, озаглавленной «Индийское равновесие». В этих лекциях я рассмотрю различные влияния на экономический рост в очень длительной перспективе — *la longue durée* французской исторической школы Анналов, в которой, как столь красноречиво показал Бродель, «горы, а не монархи... стоят на первом месте»⁵.

Поэтому одной из главных тем этих лекций является взаимодействие культуры, политики и наделенности факторами производства в объяснении того, когда и почему случался интенсивный рост. Другая главная тема — роль индивидуализма в стимулировании этого роста и странные метаморфозы, которые он последовательно вызывал, если посмотреть на современное взаимодействие между Западом и остальным миром.

Поскольку экономистов убеждают лишь формальные модели, я, кроме того, должен заявить, что сюжеты, о которых я буду рассказывать, можно уместить в четырех формализованных моделях. Сюжет о наделенности факторами производства основан на модели Эстер Босеруп, формализованной Прайором, Маурером и Локеем; политэкономический сюжет представлен в виде формализованной модели хищнического государства из моего «Индийского равновесия»; культурный сюжет о запаздывании культурных представлений — в виде модели двойных предпочтений Тимура Курана, которую он же и формализовал; а сюжет о развитии институтов привязывания рабочей силы к земле основан на модели Домара, описывающей экономику, характеризующуюся редкостью рабочей силы. В Приложении содержится краткое описание этих моделей с краткими комментариями, отсылающими к тексту,

чтобы показать, как различные аспекты моего рассказа вписываются в эти четыре структуры.

Уже после того, как была написана эта книга, я показывал, как развитую здесь систему взглядов можно приложить к Латинской Америке⁶. Это позволяет включить в эту книгу сюжет о Контрреформации и показать причины, по которым католические страны, в отличие от своих протестантских англо-саксонских кузенов, не полностью восприняли рыночную экономику, начало которой было положено папской революцией Григория VII (см. главу 5).

Необходимо также отметить книги Ландеса и Померанца, посвященные тому же самому предмету⁷. В рецензиях на эти книги я объясняю, почему мне не кажутся убедительными их аргументы о возвышении Запада. Поэтому я все же считаю объяснение, которое будет дано в этой книге, более обоснованным, по сравнению с трактовкой моих соперников, и надеюсь, что читатели этой книги согласятся со мною.

ГЛАВА 1

О КУЛЬТУРЕ

Но что такое культура? И правы ли экономисты, игнорируя ее при объяснении поведения людей? Наиболее рельефно такое отношение выражают манифест Беккера и Стиглера “De Gustibus Non Est Disputandum” и утверждение Беккера о том, что большинство аспектов человеческого поведения «во множестве разнообразных контекстов и ситуаций» можно объяснить «сочетанием неуклонно и решительно применяемых допущений о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и устойчивых предпочтениях, которые формируют ядро экономического подхода» к человеческому поведению¹.

Один из способов взглянуть на расхождение между экономистами и социологами относительно роли культуры выражает афоризм, процитированный Джоном Элстером²: при изучении стада скота структуралисты (читай: социологи) фокусируются на «изгороди, окружающей скот», тогда как индивидуалисты (читай: экономисты) концентрируют внимание на «деятельности скотины в границах изгороди». Разумеется, оба аспекта важны. Но для случая человеческого поведения существует та дополнительная трудность, что изгородь возводит сам «скот», и, если захочет, он может изменить ее очертания! Этот более эклектический взгляд на то, как культурные ограничения воздействуют на человеческое поведение, хорошо подошел бы для исследования функционирования экономики.

Некоторые экономисты, и особенно Хайек, понимали значимость культурных коррелятов рыночной экономики в качестве важного элемента ее функционирования, а Хайек даже обосновывал форму культурной эволюции, которая незапланированным и непреднамеренным образом привела человека от культуры каменного века со свойственным ей чувством общности и общих целей к современной культуре с ее уважением абстрактных норм, таких как верховенство права, и с «отчужденностью от общинных, кооперативных целей». Таким образом, в дополнение к политическим условиям создания и поддержания экономики открытого рынка, на которые делали упор такие классические либералы, как Смит и Юм, Хайек подчеркивает также значимость постепенной эволюции к «новой» культурной среде, причем в основе своей благодаря действию «невидимой руки». Однако в отличие от восточноазиатских конфуцианцев он принял бы сторону

материалистов, которые полагают, что на волне недавнего всемирного движения от плана к рынку культурные и политические корреляты западных рыночных экономик — демократия, уважение прав человека и некоторые формы системы государственного социального обеспечения — неизбежно возникнут и в остальном мире, ведя к победе не только технологических и рыночных институтов Запада, но и его идеологии³.

Относительные роли обеспеченности факторами производства, культуры и политики в формировании прошлого и будущее человечества представляют собой область еще более сильного соперничества представителей других социальных наук, историков и даже археологов⁴. В этих лекциях я надеюсь, во-первых, прояснить эти связи; во-вторых, посмотреть, можно ли о них что-то сказать на основе текущих исследований, и, в-третьих, самое важное, определить, ведут ли они — и если да, то каким образом — к современным различиям в богатстве народов, с некоторыми итоговыми предположениями о будущем.

Состояния социального равновесия

Но, прежде чем продолжить, нужно точнее определить три термина моего заглавия. Относительная обеспеченность факторами производства — землей, трудом и капиталом — остается, как я надеюсь показать, наиболее базовым структурным элементом для объяснения множества поразительных экономических, культурных и политических результатов. Они, если угодно, представляют собой ДНК того сюжета, который я собираюсь поведать. Именно поэтому я надеюсь, что в этих лекциях будут восприняты как заслуженное воздание хвалы Бертилю Улину¹ (Bertil Ohlin), ученому, который первым из представителей социальных наук подчеркнул и строго продемонстрировал важность этого структурного элемента и то, как его взаимоотношения с технологией и предпочтениями объясняют древний и важный аспект человеческого взаимодействия — внешнюю торговлю⁵. Но я, подобно Улину, хотел бы сказать, что «различия в обеспеченности факторами производства, в технологии и предпочтениях могут корениться в различиях климата, языка, культурных и правовых институтов»⁶.

Я больше не могу уклоняться от определения культуры. Оно является дискуссионным⁷. Для начала целесообразно использовать определение, данное ведущим социологом и антропологом Эрнестом Геллнером. Он говорит, что «культура есть особый способ вести дела (doing things), который характеризует данное общество»⁸. Экономистам это может показаться слишком общим

и, следовательно, бессмысленным. Для Дугласа Норта⁹ культура служит фундаментом «правил игры» в том или ином обществе и обеспечивает «неформальные ограничители человеческого взаимодействия», которые в мире ограниченных вычислительных возможностей и информации снижают издержки такого взаимодействия. Кроме того, эти поведенческие ограничители передаются социально — «форма передачи, отличная от генетической передачи, которая, в отличие от последней, закрепляет приобретенные признаки»¹⁰.

Но для моих целей это все еще носит слишком общий характер. Поэтому будет полезно посмотреть, как видят культуру экологи. Они подчеркивают, что, в отличие от других животных, животное под названием человек уникально, так как разум дает ему возможность менять свою окружающую среду путем обучения. Для приспособления к изменившейся окружающей среде ему нет нужды мутировать в новые виды. Он научается новым способам выживания в новой среде и затем фиксирует их в качестве социального обычая¹¹.

Это определение культуры хорошо подходит к представлению экономистов о равновесии. Фрэнк Хан¹² описывает состояние равновесия как состояние, когда агенты, преследующие собственные интересы, не узнают ничего нового, в силу чего их поведение становится рутинным. Оно представляет собой приспособление агентов к экономической среде, в которой экономика «порождает сигналы, которые не побуждают агентов изменять теории, которых они придерживаются, или курс действий, который они проводят». Такое рутинное поведение, очевидно, близко к представлению экологов о социальном обычае, который закрепляет особую человеческую нишу. Согласно этому взгляду, равновесие нарушается, если меняется окружающая среда, и поэтому в последующем процессе приспособления люди должны будут отказаться от своих прошлых теорий, поскольку теперь они будут систематически опровергаться. Чтобы выжить, они должны посредством проб и ошибок учиться приспосабливаться к своей новой среде. Тогда мы получим новое социальное равновесие, которое связано с состоянием общества и экономики, в котором «агенты приспособились к своей экономической среде и в котором они не обманываются в своих ожиданиях, понимаемых в самом широком смысле»¹³. Равновесие при данных параметрах окружающей среды вовсе не обязательно уникально или оптимально. Но как только определенный социально-экономический порядок установлен и подтверждена его адекватность в плане приспособленности к новой среде, он, скорее всего, будет устойчив, поскольку у действующих лиц не будет причин изменять его каким-либо фундаментальным образом, если и пока параметры внешней среды не претерпели изменения. И при

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru